

НОВЕЛЛА МАТВЕЕВА

КОРАБЛИК

НОВЕЛЛА МАТВЕЕВА

КОРАБЛИК

НОВЕЛЛА МАТВЕЕВА

КОРАБЛИК

СБОРНИК СТИХОВ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1963

P 2
M 33

* * *

**Все сказано на свете.
Не сказанного нет.
Но вечно людям светит
Не сказанного свет.**

**Торговец чучелами птиц
Сегодня мне приснился:
Трухой, как трубку табаком,
Он дятла набивал.
Желтела иволга в тени,
В углу орел пылился,
И не дразнился попугай,
И соловей молчал.**

**Торговец чучелами птиц,
Мне твой товар наскучил:
Едва пером дотронуь я
До трепетных страниц,
Как вниз летят мои мечты
На крыльях птичьих чучел,**

**Когда хотели бы лететь
В зенит на крыльях птиц.**

**Слова... Ищу их снова.
И всё не те, не те...
Удар —
И грянет слово,
Как выстрел по мечте.**

**...Рисует рожицы поэт,
Круги, зигзаги чертит,
Пока покажутся слова,
Которых нет верней,
И возле сомкнутого рта
Перо в досаде вертит,
Как в темноте вертел бы ключ
У запертых дверей.**

**Порою шум из-за дверей
Доносится неясный,
И по ошибке этот шум
Мы песнею зовем
И утешаемся: «Пусть — шум!
Бывает шум п р е к р а с н ы й...
Когда деревья в час ночной
Шумят перед окном,**

**Нам видеть их не надо:
У слуха тот же взгляд,
А шум ночного сада
Пышней, чем самый сад».**

Но сделку с музой отогнав
Затрециной немой,
Со звоном в позвоночнике,
В тяжелой тишине,
Сижу и чайной ложечкой
Вычерпываю море,
Чтобы достать жемчужину,
Лежащую на дне.

А море!
Что ж! — мелеет...
И вот уже белеет
Сквозь воду темным-темную
Морского дна песок.

Нет,
Это ночь проходит.
Нет,
Это ночь мелеет,
И в ней белеет, как песок,
Светающий восток.

Но жемчуг мой со мною:
Жемчужницы уста
Концом ножа раскрою —
Жемчужница... пуста.

Ищу ее в сновидных днях,
Ищу в ночах бессонных...
В душе космический огонь,
А на губах — зола.
О плиты творческих могил,

**Бессмертьем раскаленных,
Я, может быть, не всю ладонь,
Но палец — обожгла.**

**И с той поры,
И с той поры
Глаза от боли жмурю...
Всего лишь палец обожгла,
А всей рукой трясу...
Я вам несу мою мечту,
Как одуванчик в бурю,
И все боюсь: не донесу,
Боюсь, не донесу.**

**Все сказано на свете:
Не сказанного нет,
Но вечно людям светит
Не сказанного свет.**

ЛИЛИЯ

**Расцвела чудовищная лилия, —
Так приметна, что почти груба.
Серебристым рогом изобилия
Вывернулась изнутри себя,**

**Чтобы все накопленное вытряхнуть,
Все росинки ночи и зари,
И тычинками
На волю вытолкнуть
Аромат, свернувшийся внутри.**

**Лилия — я всю ее прослушала —
Необыкновенно глубока:
Точно звуки из рожка пастушьего,
Тянутся тычинки из цветка.**

**Желтыми пушистыми указками
В русло направляют аромат.
Думаю, без их заботы ласковой
Он бы шел без русла, наугад:**

**Уходил бы от немногих любящих,
Приходил туда, куда не ждут,
Нежный как душа, ходил бы в рубище,
Плача, ел бы камень, пил мазут.**

**И наверно, это только чудится,
Что ничей он, что он сам собой:
Он и перед смертью не заблудится,
А вернется в лилию, домой.**

* * *

Есть и у капусты
Верхние листы:
Как подошва новая, толсты,
Крепче бранных слов,
Грубее бранных лат,
С жилами,— что парусный канат.

От лихих невзгод,
От бурных непогод,
Выставив щиты из всех ворот,
Грубо стережет
Грубый этот полк
Сердцевину,
Нежную, как шелк.

Чтобы в это сердце,
Белое как снег,
Заглянуть —
Я сшибла верхний лист.
Вдруг из-под листов,

**Как слезы из-под век,
Мне в рукав росинки полились.**

**Скрипнув, приоткрылся
Странный лабиринт...
Я снимала листья,
Как снимают бинт,**

**А кочан мягчал
И плакал, как живой,
В руки мне уткнувшись головой**

* * *

Так низко было небо,
Так близко от земли!
 Рискуя наколоться
 На журавель колодца,
 Летели журавли.
Так низко было небо!
Так близко от земли!
 Казалось, даже куры
 (Не будь такие дуры)
 Летать бы в нем могли.
Ты счастлив там, где небо
Касается земли:
 Берешь его
 Рукою...
 А я хочу такое,
 Которое вдали.

* * *

**Под прошлогоднею листвою
Источник сумрачный клокочет.
Туманно-синий колокольчик
Покачивает головой.**

**А над водою бурелом
Навис, готовый обвалиться:
Под ним течение шевелится,
Как будто пламя под котлом.**

**Туда пойти бы как-нибудь,
Найти знакомый муравейник,
И в муравейник заглянуть,
Как в закипающий кофейник,
И злого ежика спугнуть...**

**И странный стебель, что до плеч
В травинку трубчатую вложен,
Как мягкий меч — из мягких ножен,
Со свистом шелковым извлечь.**

**И палец — просто так — продеть
В кольцо бересты... Посидеть
На том поваленном стволе,
С которого сбегают пятна
Теней... Найти в его дупле
Орех... И положить обратно...**

В ДЕТСТВЕ

**Свет потушен, сказка не досказана,
Лес в окне... Или окно в лесу...
Ночь деревья по небу размазала,
Как ребенок — слезы по лицу.**

**Мелют листья что-то отвлеченное,
На пеньках сияют светляки,
Чуть мерцает за стволами черными
Факельное шествие реки.**

**Взмыли ели языками копоти
От ее холодного огня.
В плеске струй, в их шарканье и топоте
Поступь ночи, шум забвенья дня.**

**Влажной кляксой клен растекся в воздухе,
Все тропинки мглою замело,
И во мгле осталось от березоньки
Только то, что было в ней бело.**

* * *

**В лощинах снег, слоистый, как слюда,
От падающих капель конопатый.
Смотри! — ручей надбил скорлупку льда
И снова спрятался, как виноватый.
Он что-то с берега хотел стянуть,
Уже струю он протянул как руку, —
Кусок коры, хвоинку — что-нибудь,
Что первых поисков умерит муку.**

**Краснеет пня сочащийся надрез,
Лучи в ветвях плетут свои корзины,
Ноздрями мха свободно дышит лес,
Лед на воде не толще паутины.**

**Я прутиком разбила лед ручья:
Бери весну, ручей, — она твоя!**

ЛЕТО

**Между кольями забора серого
Солнце длинные лучи просунуло.
На дорогу лопухи повыбрались,
Пыли зачерпнув краями грубыми.**

**Подорожник — санитар испытанный,
Врачеватель ног, в пути пораненных, —
Подошел к дороге, приготовился:
Может, думает, кому понадобится...**

**Одуванчик облетать нацелился:
Все его пушинки набок съехали,
Но остановились нерешительно:
А куда лететь! В какую сторону!**

**Жаркий день уже склонился к вечеру:
Вечер дню шепнул о чем-то на ухо,
Облака подслушали, задумались
И, забыв, зачем пришли, растаяли...**

ДУБРАВА

Не находя для выхода ни щели,
Чуть брезжит солнце сквозь дубовый лист...
Люблю дубы, чьи дупла как пещеры,
Чей свежий свод коричневет и сквозист.
Чей лист прозрачен, точно решето,
Но плотен, словно глина красной кринки,
И кажется: прижми к губам и крикни, —
Он не пропустит крика ни за что.
Со всех сторон стесненная дубравой
И вдетая во мглу, как нить в иглу,
Стоит береза: солнца луч курчавый
Бежит по шелушистому стволу.
В глухом углу, неистово заросшем,
Она дрожит, чешуйчато светясь,
С горячим днем, сверкающим за рощей,
Сверканием поддерживая связь.
Всем существом она внимает свету,
Как будто, продолжая облака,
Не из земли растет, а льется сверху,
Как пляшущая струйка молока.
...Рябины гроздь уже вдавилась в осень

Сургучною печатью немоты,
И мысли спят, подобно поздним осам,
Что рыхлым рыльцем тычутся в цветы.
А желуди соскальзывают с веток,
И блески дня сквозь листья моросят,
И паутинки, лезвиями света
Над тенью занесенные, висят.
Мелькают блики, длинные, как лица,
И вишни я держу за черенки,
И под ногой хрустят сухие листья,
Как кукольной посуды черепки.

* * *

**Покинутый полустанок:
Ни дач, ни садов, ни рощ...
Я жду, когда перестанет,
Когда перестанет дождь.**

**Топорщится ворсом рыжим
Ежовый ковер-жнивье.
Платформа квадратным рылом
Уперлась в небытие.**

**А мне бы туда, где пышно
Схлестнулись вершины рощ,
Где ветра почти не слышно,
Где этот же самый дождь,**

**По ворсу ковра лесного,
По листикам семени,
Выкапывает
И снова
Закапывает семена.**

ЖДУ СНЕГА

**Долги дни короткие.
Ветви в небе скрещены,
Черные и четкие,
Словно в небе трещины...**

**Плач берез потупленных...
Пни дождем разварены,
Точно замков кукольных
Древние развалины.**

**Листья под заборами,
На осинах вороны —
Осени блюстители,
Листьев заместители.**

**Ближний лес туманится,
Вкривь и вкось проветренный,
Дождь резиной тянется...
Снег — и тот приветливей:**

**Налетит, завертится,
Пень прикроет горкою,
На лету задержится
За рябину горькую,**

**Все собой оденет он,
Всюду, всюду ляжет он,
Все куда-то денет он,
А куда — не скажет он.**

ЗИМА

**Что так чинно ходики ступают!
Что так сонно, медленно идут!
То ли стрелки к цифрам прикипают,
То ли цифры к стрелкам пристают!**

**Ночь. Молчанье. Только дверь снаружи
Напрягает раму и трещит,
Листовую сталью лютой стужи
Облицованная, словно щит.**

**Спит колодец в панцире, как витязь,
С журавлем, похожим на копьё...
На веревке, чуть во мраке видясь,
Лязгает промерзлое бельё.**

**Простыни в бесчувствии жемчужном
Плавают как призраки знамен,
От рубах исходит то кольчужный,
То как будто колокольный звон.**

**...Ну кого, скажи, не опечалит
Прямо в душу вмерзшая зима!
Лишь зима зимою не скучает,
Веселится лишь она сама:**

**Катится над серыми полями,
Сети веток склеивает льдом,
Громоздит сугробы штабелями,
Чтоб никто — ни из дому, ни в дом.**

**То в дупло наклонное ныряет,
Как ловец за жемчугом на дно,
То снежинку острую вперяет
С любопытством в темное окно...**

**Пальцами прищелкивает стужа,
Не мытьем, так катаньем берет
И как будто стягивает туже
Пояса истаявших берез.**

**...Что так чинно ходики ступают!
Что так сонно, медленно идут!
То ли стрелки к цифрам прилипают,
То ли цифры к стрелкам пристают!**

* * *

**Пастух по стаду выстрелил кнутом.
Дорога в лес тепла и лиловата.
Узоры листьев черным решетом
Просеивает золото заката.**

**Темнеет: кольца плаваются на пне...
Шум сосен сух, как теплый шорох шлака...
Между стволами, в розовом огне,
Танцуют мошки, словно крошки мрака.**

**А я еще живу минувшим днем,
Танцую про себя, отстав от танца,
Бегу за убегающим огнем:
«Ну, солнце, ну прошу тебя! Останься!»**

**Но вот и ночь, горячая, как весть,
Что завтра снова будет день погожий.
И чувствую, что солнце где-то здесь:
Под тонкой тьмою, точно кровь под кожей.**

ГИМН ПЕРЦУ

Раскаленного перца стручок,
Щедрой почвы ликующий крик,
Ты, я думаю, землю прожег,
Из которой как чертик возник.

Страны солнца, взлелеяв тебя,
Проперчились до самых границ:
Пуще пороха сыплют тебя
Там из перечниц-пороховниц.

Орден кухни,
Герб кладовых,
Южных блюд огнедышащий флаг.
Ты на грядках,
На пестрых столах,
В пыльных лавках, особенно в них.

И представишь ли темный навес,
Где серьгою трясет продавец,
Коли там не висят у дверей
Связки перца,

Как связки ключей
От запальчивых южных сердец!

Я хвалю тебя! Ты молодец!

Ты садишься на все корабли,
Ты по радужной карте земли
Расползаешься дымным пятном;

Ты проходишь, как радостный гном,
По извилистым, теплым путям,
Сдвинув на ухо свой колпачок, —
И на север являешься к нам,
Раскаленного перца стручок.

И с тобою врывается юг
В наши ветры и в наши дожди...

Просим!
Милости просим, мой друг,
В наши перечницы!
Входи!
Правда, мы — порожденье зимы,
Но от острого — рта не кривим,
А при случае сможем и мы
Всыпать перцу себе и другим.

Разве даром в полях января
Пахнет перцем российский мороз?
Разве шутка российская зря
Пуще перца доводит до слез!
Славлю перец — в зерне и в пыльце,

**Всякий: черный — в багряном борще,
Как бесенок в багряном плаще,
Красно-огненный в красном словце..**

**Слаблю перец во всем, вообще!
Да, повсюду, во всем, вообще.**

ПОПУГАЙ

**По клетке, шкафами задвинутой,
Где книги в пыли вековой,
Взъерошенный, всеми покинутый,
Он бегаёт вниз головой.**

**Чудак с потускневшими перьями! —
Чудит, а под веками грусть...
Язык истребленного племени
Он знает почти наизусть.**

**Язык,
За которым ученые
Спускаются в недра веков,
Где спят города, занесенные
Золой раскаленных песков...**

**Язык,
Что плетью виноградными
Петляет по плитам гробниц
И хвостиками непонятными
Виляет с разбитых таблиц.**

**Прекрасный язык,
Но забылся он,
Забылся, навеки заснув:
Огромный —
Но весь поместился он,
Как семечко, в маленький клюв.**

**Привык попугай разбазаривать
Бесценную ношу в тоске:
С собою самим разговаривать
На умершем языке,**

**В кольцо кувыряться стремительно,
Вниманья не видя ни в ком,
И сверху смотреть снисходительно,
Когда назовут дураком.**

СУМЕРКИ БОГОВ

Может, зодчий
И сердце-то вывихнул,
Эти камни подняв к облакам:
Целой жизнью он, может быть, выдохнул
Этот молча ликующий храм.

Пламенеют колонны молочные,
По ступеням спускается свет...
Но опасны восторги заочные:
Строил богу, а бога-то нет.

Ночь минула: увидели филины
То, что филинам видеть нельзя.
Бьет петух посвежевшими крыльями,
Человек протирает глаза

И решает разделаться с верою,
Чтобы крепче поверить в себя,
И зовет небеса атмосферною,
На молекулы бога дробя.

**Меркнет медь пьедесталов зализанных,
Двери — настезь: порыв молодой
Перед тусклыми рожами идолов
Тушит свечи одну за другой.**

**И, лампы гася негасимые,
Дребезжит образами святых.
Образины невособразимые!
Как поверить, что верили в них!!**

**Не дымят, поостыли треножки,
Пляшет пепел вокруг алтаря...
Значит, зря вдохновлялись художники,
Возводя эти храмы!
 Не зря.**

**Боги падают, как перезрелые,
Осужденные солнцем плоды,
Но бессмертны святые и смелые
Человеческие труды.**

БЛУЖДАЮЩИЙ ОГОНЕК

**Огонек блуждающий,
Световой предатель,
Всем болотным кочкам брат,
Всем крестам приятель,**

**Будет воду мне мутить,
Смутное создание!
Если ты рожден светить,
Прекрати блужданье;**

**Если ты рожден блуждать —
Прекрати свеченье.
Что еще за мода: лгать
В виде излученья!**

**Огонек блуждающий,
Хитрый, бледнолицый,
Сколько путников сгубил!
Сколько экспедиций!**

**Сколько шедших по тропе,
Прежде пешеходной!
И не совестно тебе,
Огонек холодный,**

**Быть холодным фонарем
Для зрачков горячих!
Быть слепым поводырем —
Для кого!! — для зрячих.**

**Странен путник без пути,
Страшен путь без цели.
Огонек блуждающий,
Что ж ты в самом деле!**

СОН

**Мне снилось: мир притих и ждет конца.
Многое менялось перед смертью:
Стремительно меняло цвет лица
И торопливо обрастало шерстью.**

**«Быть иль не быть!» — вопрос решен.
И я увидела, как некто
В единый миг
Был начисто лишен
Былых тысячелетий интеллекта.**

**«Жить! — он кричал. — Скорей, скорей, скорей!
Жить! Доживать! Дохрустывать селедку!»
А в желтых лужах высохших морей
Приятели дохлестывали водку
И всяко развлекались: тот просил
В долг (перед смертью!) рубль; тот — плакал
зло и звонко...**

**И кто-то, пробегая, откусил
Пол-ляжки от живого поросенка,
И кто-то по камням поволок,**

**От напряженья жилистый и синий,
С утробным рыком, в темный уголок
Ту, что вчера со страхом звал богиней.**

**О страшный суд!
Неужто ни души
Бессмертной так и не было на свете!!**

**Но что я вижу!
Книги,
Чертежи,
Мотыги,
Статуи,
Рыбачьи сети...**

**Здесь
Каждый что-то строил,
Пел,
Лепил,
А мглы нависшей
Как бы и не видел:
Кто прежде ненавидел и любил,
Тот и теперь любил и ненавидел.**

**И между тем как, ползая у ног,
Собаки жались к маленьким каюрам,
Художник
На последний свой мазок
Поглядывал с критическим прищуром,**

**И шел поэт, спокойный, как ковчег
Над всплесками библейского потопа,**

КРАСКИ

Там ночь — не ночь,
Там день — не день,
Там пропасть необычного:
Там не сиренева сирень,
Корица не коричневая.

Там не извилисты вьюны,
И розы там не розовы,
Цветы без цели и цены
Вещам, как вещи, розданы.

Как хорошо бывает там,
На поле пчел нежалящих!
Ведь там шагаешь по цветам
Охотней, чем сажаешь их.

Но знаю (у моих дверей
Не зря сверкают заросли),
Что даже белая сирень —
Сиреневая в замысле.

**Ее, расцветшую, как есть,
Хоть сизую, хоть белую,
Ни просто так, ни в чью-то честь
Оранжевой не сделаю.**

**И то!
Какой борьбой корней,
Какой надсадой лиственной,
Какой ценой дается ей
Ее оттенок истинный!**

**Любая краска есть итог
Борьбы: с чумой, с застенками...
Я красной розы лепесток
Не оскорблю оттенками.**

**Пускай немислимо просты
Цветы недвуминные:
Пойду на битву за цветы,
Как за цвета знаменные.**

**Сухой заботой пренебречь
И мне не раз захочется.
Но лишь тогда, когда мой меч
В иголочку источится**

**И закружится голова
От правильностей бешеных,
Я убегу для озорства
На остров красок смешанных,**

**Где ночь — не ночь
И день — не день,
Где пропасть необычного,
Где не сиренева сирень,
Корица не коричневая.**

ХУДОЖНИКИ

**Кисть художника везде находит тропы;
И, к соблазну полисменов постовых,
Неизвестные художники Европы
Пишут красками на хмурых мостовых.**

**Под подошвами шагающей эпохи
Спят картины, улыбаясь и грустя.
Но и те, что хороши, и те, что плохи,
Пропадают после первого дождя.**

**Понапрасну горемыки-живописцы
Прислоняются к подножьям фонарей
Близ отелей,
Где всегда живут туристы —
Посетители картинных галерей;**

**Равнодушно, как платил бы за квартиру,
За хороший иль плохой водопровод,
Кто-то платит живописцу за картину,
Либо — просто подаянье подает.**

**Может, кто-то улыбнется ей от сердца!
Может, просто — пожелает ей пути!
Может, крикнет: «Эй, художник! Что расселся!
Убери свою картинку! Дай пройти!»**

**Но, как молнии пронзительную вспышку,
Не сложить ее ни вдоль, ни поперек;
Не поднять ее с земли, не взять под мышку,
Так покорно распростертую у ног.**

**И ничьи ее ручищи не схватили,
Хоть ножищи по ее лицу прошли:
Много раз за ту картину заплатили,
Но купить ее ни разу не смогли.**

* * *

**Как сложилась песня у меня! —
Вы спросили. Что же вам сказать!
Я сама стараюсь
У огня
По частям снежинку разобрать.**

ОКРАИНА

Летняя ночь была
Теплая, как зола...
Так,
 незаметным шагом
До окраин я дошла.

Эти окраины
Были оправлены
Вышками вырезными,
Кружевными
Кранами.

Облики облаков,
Отблески облаков
Плавали сквозь каркасы
Недостроенных домов.

Эти дома без крыш
В белой ночной дали
В пустошь меня звали,
В грязь и глину завели.

**На пустыре ночном
Светлый железный лом,
Медленно остывая,
Обдавал дневным теплом.**

**А эти дома без крыш
В душной ночной дали
Что-то такое знали,
Что и молвить не могли.**

**Из-за угла, как вор,
Вынырнул бледный двор:
Там на ветру волшебном
Танцевал бумажный сор.**

**А эти дома без крыш
Словно куда-то шли,
Плыли,
Как будто были
Не дома, а корабли.**

**Встретилась мне в пути
Между цементных волн
Кадка с какой-то краской,
Точно в теплом море — челн.**

**Палка-мешалка в ней
Словно в челне весло...
От кораблей кирпичных
Кадку-лодку отнесло.**

**Было волшебно все:
Даже бумажный сор,
Даже мешалку-палку
Вспоминаю до сих пор.**

**И эти дома без крыш,
Светлые без огня;
Эту печаль и радость,
Эту ночь с улыбкой дня.**

* * *

**Там, где кончается город,
Там, где граница асфальта, —
Остановились дома,
Остановилась и я...**

**Машин затихающий шорох...
И тоненьким кончиком пальца
В эти просторы меня
Позвал стебелек щавеля...**

**Вижу: стоят в отдаленье
Темной гурьбою деревья...**

**Ах, сколько счастья, сколько удивленья,
Что дорога к деревьям идет!**

**Здесь я печаль переспорю...
Вот кто-то скользит через поле
И что-то блёущее, в сумерках белеющее
К темным сараям ведет.**

Там, где граница асфальта,
Там, где кончается город,
Там начинается ночь,
Ветер
И запах травы...

Дорога ушла и вернулась,
Как будто на миг обернулась,
И поворот у дороги
Как поворот головы.

В домиках темных и низких
Низкие светят окошки, —
Так приглянулись мне окошки эти,
Что решила я в них заглянуть:

Там я увидела миски,
Чашки, тарелки и ложки
В каком-то странном, отдаленном свете
И опять продолжала свой путь.

Бревна, канавы, колодцы...
Через четыре болотца
Я по дощечкам прошла...
Ночь и свежа и тепла...

Вот лягушата картавят,
Нежно, как шарик катая
Букву сердитую «Р»...
Сумрак неверен и сер.

**Ах, почему я так долго
Этого места не знала
И почему дорогой длинной-длинной
Никогда никуда не хожу!**

**Если расспрашивать будут:
Где это я пропадала
И отчего мои подошвы в глине, —
Я скажу, я скажу, я скажу:**

**Там, где кончается город,
Там, где граница асфальта,
Там задержались дома,
Там задержалась и я...**

**Машин замирающий шорох...
И тоненьким кончиком пальца
В дальние дали меня
Позвал стебелек щавеля.**

ИСПАНСКАЯ ПЕСНЯ

Ах, как долго, долго едем!
Как трудна в горах дорога!
Чуть видны вдали хребты туманной сьерры.
Ах, как тихо, тихо в мире!
Лишь порою из-под мула,
Прошумев, сорвется в бездну камень серый.

Тишина. Лишь только песню
О любви поет погонщик,
Только песню о любви поет погонщик,
Да порой встряхнется мул,
И колокольчики на нем,
И колокольчики на нем забьются звонче.

Ну скорей, скорей, мой мул!
Я вижу, ты совсем заснул:
Ну поспешим — застанем дома дорогую...
Ты напьешься из ручья,
А я мешок сорву с плеча
И потреплю тебя и в морду поцелую.

**Ах, как долго, долго едем!
Как трудна в горах дорога!
Чуть видны вдали хребты туманной сьерры...
Ах, как тихо, тихо в мире!
Лишь порою из-под мула,
Прошумев, сорвется в бездну камень серый.**

ПРЕДКИ ДЖИММИ

**Струны о чем-то рассказывают бойко,
Старая песня уводит за собой...**

**Были у Джимми и ферма и ковбойка,
Но не был он фермер и не был он ковбой.**

**Ферму забросил,
На все махнул рукою,
Ковбойку нараспашку — и пошел по кабакам.**

**Ой, ой! Джимми, Джимми!
Поведай, что с тобою!
Не видит он,
Не слышит он,
Не знает он и сам.**

**...Были когда-то
Хозяевами штата
Индейцы-делавары, почитатели ветров.**

Знать их не знал он...
Так вот ведь досада! —
Текла в жилах Джимми индейская кровь.

Снились вигвамы,
Лосиные шкуры,
И кто-то мокасины
Сушил перед огнем...

Вот потому-то
Ходил Джимми хмурый
И песен индейских
Не пели мы при нем.

Не грусти, Джимми,
Поезжай в город:
Выгодно продай
Зерно.

Что в твоём сердце —
Радость или горе, —
Предкам твоим все равно.

С тучи, как боги,
Сошли раскаты грома,
Коршуном пала на прерию гроза..
Джимми увидел
В своем стакане рома
Индейские косы, раскосые глаза.
Скулы как скалы,
Зажженные закатом,
Фламинговой короны пламенеющий костер...

**Ой, ой,
Джимми, Джимми!
Куда же ты! Куда ты!
Ушел. И никогда его не видели с тех пор.**

**Бармен сказал: «Это все от безделья»,
А пастор намекнул, что «от безверья своего».
Поздняя ночь бушевала за дверью,
И больше никто не сказал ничего...**

**Ферма дичает, бурьяном зарастает,
Не видно белой лошади, не слышен лай собак...
Песню про Джимми
Теперь никто не знает,
А если бы знали, то пели бы вот так:**

**Не грусти, Джимми!
Поезжай в город:
Выгодно продай
Зерно...**

**Что в твоём сердце —
Радость или горе, —
Предкам твоим все равно,
Предкам твоим все равно,
Все равно,
Все равно...**

РОБЕРТ ФРОСТ

Если тебе не довольно света
Солнца, луны и звезд,
Вспомни,
Что существует где-то
Старенький фермер Фрост.

И если в горле твоём слеза
Как полупроглоченный нож,
Готовый вылезти через глаза, —
Ты улыбнешься все ж.

Ты улыбнешься лесным закатам,
Всплескам индейских озер,
Тупым вершинам,
Зернистым скатам
Шероховатых гор,

Багряным соснам,
Клюквенным кочкам,
Звонко промерзшим насквозь;
Лощинам сочным,

**Лиловым почкам,
Долинам, где бродит лось,**

**Метису Джимми,
Джо или Робби,
Чей доблестный род уснул;
Последним каплям
Индийской крови
Под бурою кожей skulls,**

**Солнцу, надетому сеткой бликов
На черенки мотыг...**

**Если бы не было жизни в книгах —
В жизни бы не было книг.**

**Если тебе не довольно света
Солнца, луны и звезд,
Вспомни, что существует где-то
Старенький фермер Фрост.**

**Лошадь глядит из-под мягкой челки,
Хрипло поют петухи,
Книга стоит на смолистой полке —
Фермеровы стихи.
Раскроешь книгу — повеет лесом,
Так, безо всяких муз.
Словно смеющимся надрезом
Брызнет в лицо арбуз,**

Словно

**вспугнешь в великаньей чаше
Маленького зерька,
Словно достанешь
Тыквенной чашей
Воду из родника.**

**И в этом диком лесном напитке
Весь отразится свет —
Мир необъятный,
Где все в избытке,
Но вечно чего-то нет...**

**И снова примешь ты все на свете:
И терпкое слово «пусть»,
И путь далекий,
И зимний ветер,
И мужественную грусть.**

ДИРИЖАБЛЬ

**Не слишком самолет
И не совсем корабль,
А самолет с уступкой кораблю,
Свинцово серебрясь,
Проходит дирижабль.
Я взглядом провожать его люблю.**

**Как семя кабачка, овальный и живой,
В пласты небес когда-то он запал;
Как семя кабачка, под сорною травой
Несбыточного — он не запропал.**

**Была ли так тепла небесная весна,
Иль сеятеля добрая рука
Хозяйски, перед тем как бросить семена,
Плавучие вспахала облака, —**

**Но только он пророс чудесной парой крыл,
Ревучих, перламутрово-седых,
Причем, боясь лететь без крыльев, так спешил,
Что на лету себе придумал их,
И дальше полетел, закончив контур свой
В крылатом «ТУ» — предвестнике ракет.**

**(Ведь наш веселый «ТУ» и есть не кто иной,
Как дирижабль в расцвете лучших лет.)**

**Но как же он взлетел — бескрылый — в первый раз!
Чем поднял сфер спрессованных плиту?
За что держался там! За допотопный газ!
За собственную легкость! За мечту!**

**Я кланяюсь тому, кто сделал первый шаг,
Самой своей бескрылостью крылат:
Хотя бы вату он теперь держал в ушах,
Хотя бы в теплый кутался халат,**

**Хотя бы умер он — и выронил перо
Безвестное... О! Выйду поутру —
И знаю, что найду на облаке тавро,
След на воде, зарубку на ветру...**

**С тех пор как плавно лег серебряным яйцом
На облачные перья дирижабль,
Чтоб нынче из него синдбадовым птенцом
Проклюнулся космический корабль;**

**С тех пор как дымчатой, невидимой рукой
За воздух ухватился Монгольфьер, —
Прекрасен первый шаг. О, все равно какой,
Но только за черту, за тот барьер,**

**Где неизвестности лежит провальный мрак,
Где не обронишь: «Я сейчас приду»...
Прекрасен первый шаг,
Прекрасен первый шаг,
Хоть многие шагнули в пустоту.**

ПУТЕШЕСТВЕННИК

Есть путешественник: не я
Не ты, не тот, не этот,
А некто, чей блокнот не оглашен.
Бесчисленные первые
За ним идут и едут,
Не ведая, что первый — это он.

Ему знакома ночь в горах — без запаха и вкуса,
Прорубленная в дебрях колея,
И электрический толчок змеиного укуса,
Как выстрел из бесшумного ружья.

И лихорадки пестрый бред, и вопли попугаев,
И зыбь речная, нудная, как сыпь.
И гроздь гадов на стене в гостинице на сваях,
Где не житье, хоть золотом осыпь.

И широко расставленные звезды ночи южной,
И плоские ступени длинных волн,
И крепкий трепет кораблей бегущих, и недужный
Девятый вал, бодучий словно вол...

Есть путешественник, но ты его не сдвинешь с места,
Когда колибри — птичка-огонек —
Трепещет, вдетая в кольцо из собственного блеска,
Как тонкий пальчик в тонкий перстенок.

И он не спит, когда в ночи от дуновений беглых
Жасмина проступают лепестки,
Как в темно-пепельной толпе идущих в ногу негров
Лукавых глаз косящие белки.
Идет он пыльной пристанью, белеющей дорогой,
И где-то на пути его лежит
Жемчужина, подернутая томной поволокой,
Жемчужницу зажмурив и смежив.

И где-то сфинксы вдалеке, очерченные слабо,
Уступчиво-уклончивый песок...
И где-то степь шершавая и каменная баба
С остроконечным сусликом у ног...

Есть добрый путешественник: его рукопожатье
Надежней, чем гербовая печать.
Все страны сестры для него
И все народы — братья:
Он хочет всех увидеть, все узнать...

Быть может, где-нибудь ему
За это руки свяжут,
Как драчуну в угаре кабака,
А он на помощь позовет
И о себе расскажет,
И все о нем узнают...
А пока —

**Есть путешественник: не я,
Не ты, не тот, не этот,
А некто, чей блокнот не оглашен.
Бесчисленные первые
За ним идут и едут,
Не ведая, что первый — это он.**

IV

* * *

Прилива плеск

так звонок в этом месте! —
Визгливым звоном битого стекла.
Как будто я по вздыбившейся жести,
А не по круглым камешкам пришла.

Мне чайка, будто вилкой — дно тарелки,
Голодным криком выскоблила слух...
Свистит песок... Но всё смягчают белки,
Смешные, невесомые как пух.

Шепча хвостом, просвечивая тельцем,
Вокруг стволов певучих и живых
Они кружатся, словно по ступенькам
Незримых глазу лестниц винтовых.

Глазенками поблескивая странно,
То вдруг собьются в тесную семью,
То — прынут врозь (как брызги из-под крана,
Когда подставишь палец под струю).

**...Я ухожу от моря понемногу
В сосновый лес по узенькой тропе,
Но чувствую: оно заходит сбоку
И вновь напоминает о себе.—**

**То как бы отнятым от горизонта
Корабликом, застывшим на весу
Между ветвей, далеким — дальше солнца,
Но поднесенным к самому лицу;**

То — раковиной, найденной в лесу...

**Среди камней позванивает вереск —
То суше, то свободней и свежей:
Отчетливый, почти точеный шелест —
Резьба на слух, гравюра для ушей.**

**Мое вниманье, как стрела на луке,
Трепещет. Тишина, как тетива,
Натянута... О, тише! — эти звуки
Не звуки, а почти уже слова.**

ЯНТАРЬ

Накапливалась теплая гроза.
Послушай: миллионы лет назад
Над морем сосны плакали смолой,
То вместе плакали, то — вразнобой.

Затем не стало стонущих лесов,
Да и того, о чем был стон лесов,
И только море, сосны в пыль смолов,
Зеленой тенью эту пыль несет.

И только в пенье впалых парусов,
И только в пенье ветра в парусах
Зеленой тенью, музыкой без слов
Еще вздыхает память о лесах.

Не уверяй меня, что там, на дне,
Танцуют водоросли в этот миг:
Я вижу там леса, которых нет;
Их отражения без них самих.

Но кроме хвойных призраков — сырых
Древесных привидений — там должно
Еще быть нечто — взятое от них,
Впечатанных в чешуйчатое дно.
Янтарь, смола...

В одном кристаллике и свет и мгла:
Так на меду стояла бы роса,
С ним не сливаясь... Ты скажи, смола,
А где твои сосновые леса?
Куда ты дела их! Скажи, смола...

Из моря, точно за руку — дитя,
Тебя на берег вытащил прибой,
И ты смеешься радостно,

хотя

Когда-то сосны плакали тобой.
Не подспела добрая рука,
Не осушила мокрые глаза,
И светлым камешком

живет века

Случайная, нестертая слеза.

ЛОДКА

**Избочась, излучая бодрость,
С белым парусом лодка шла,
И волна за собою
Водоросль
Волокнистую волокла.**

**Кто-то пел на верхушке мола,
Шел за лодкой курчавый след,
Как стена в середине моря
Воздвигался отвесный свет.**

**Так сияли бортов изгибы,
Будто лодка была живой:
Полуптица и полурыба
С человеческой головой.**

**Не предчувствие, не причуда,
Не душевное торжество —
Это просто была минута...
Право, более ничего.**

**И никто никогда не встретил
Эту лодку потом нигде:
Скрылась лодка в отвесном свете,
Как скрываются в темноте.**

ВЕТЕР

**Какой большой ветер
Напал на наш остров!
С домишек сдул крыши,
Как с молока,— пену,**

**И если гвоздь к дому
Пригнать концом острым,
Без молотка, сразу,
Он сам войдет в стену.**

**Сломал ветлу ветер,
В саду сровнял гряды —
Аж корешок редьки
Из почвы сам вылез**

**И, подкатясь боком
К соседнему саду,
В чужую врос грядку
И снова там вырос.**

**А шквал унес в море
Десятка два шлюпок,
А рыбакам — горе, —
Не раскурить трубок,**

**А раскурить надо,
Да вот зажечь спичку —
Как на лету взглядом
Остановить птичку.**

**Какой большой ветер!
Ох! Какой вихорь!
А ты глядишь нежно,
А ты сидишь тихо,**

**И никакой силой
Тебя нельзя стронуть:
Скорей Нептун слезет
Со своего трона.**

**Какой большой ветер
Напал на наш остров!
С домов сорвал крыши,
Как с молока — пену...**

**И если гвоздь к дому
Пригнать концом острым,
Без молотка, сразу,
Он сам уйдет в стену.**

ГОРИЗОНТ

Видишь!

Зеленым бархатом отливая,
Море лежит спокойнее, чем земля.
Видишь!

Как будто ломтик от каравая,
Лодочка отломилась от корабля.

Яхты и пароходы ушли куда-то.
Видишь! — по горизонту они прошли,
Так же

как по натянутому канату
В цирке
канатоходцы пройти могли.

Словно
за горизонтом обрыв отвесный —
Пропась.

И пароходы идут, скользя,
Робко и осторожно держась над бездной,
Помня, что оступиться туда нельзя.

Ты же
Так хорошо это море знаешь,

Песни про эту пропасть

поешь,

поешь...

Что ж ты за горизонтом не исчезаешь!

Что ж ты за пароходами не плывешь!

Видишь!

Канатоходцами по канату —

Снова по горизонту они прошли;

Снова — в Константинополь, Суэц, Канаду,

Снова — по краю моря на край земли.

БРАТЬЯ-КАПИТАНЫ

**В закатных тучах красные прорывы.
Большая чайка, плаваний сестра,
Из красных волн выхватывает рыбу,
Как головню из красного костра.**

**Двумя клинками сшиблись два теченья, —
Пустился в пляску ящик от сигар,
И, как король в пурпурном облаченье,
При свете топки красен кочегар.**

**Мы капитаны, братья-капитаны,
Мы в океан дорогу протоптали,
Задорным килем море пропороли
И пропололи от подводных трав.**

**Но кораблям, что следуют за нами,
Придется драться с теми же волнами
И скрежетать от той же самой боли,
О те же скалы ребра ободрав.**

**На что, на что смышлен веселый лоцман,
Но даже он стирает пот со лба:
Какую глубь еще укажет лот нам!
Какую даль — подзорная труба!**

**Суровый юнга хмурится тревожно
И апельсин от грубой кожуры
Освобождает так же осторожно,
Как револьвер — от грубой кобуры.**

**Мы капитаны, братья-капитаны,
Мы в океан дорогу протоптали,
Но корабли, что следуют за нами,
Не встретят в море нашего следа;**

**Нам не пристали место или дата;
Мы просто были где-то и когда-то,
Но если мы от цели отступали,
Мы не были нигде и никогда.**

ПЕСНЯ С ПИНГВИНАМИ

**Там никогда не снился мир цивилизованный.
Покрыто море голубым и белым льдом.
Там даже в воздухе не пахнет робинзонами.
Но кто ж построил, кто построил этот дом!**

**Как крахмаленные стеганые ватники,
Стоят пингины — даже руки развели...
Там не живут ни рыбаки, ни медвежатники,
Туда не ходят, не доходят корабли.**

**Не-
топленая печь,
Не-
писанный закон,
Не-
запертая дверь,
Не-
настный небосклон.**

**И
Ты туда придешь,
И
Я туда приду,**

**И
Ты меня найдешь,
И
Я тебя найду.**

**А по весне и горячо и утомительно
Сверкает снег, — сверкает так, как блещет меч.
А ледники с лазурных гор ползут медлительно,
Ползут лениво, как плащи с покатых плеч.**

**Но снова сумерки встают со дна расселины,
И гаснут искры, беспокойные для глаз,
И возвращается ненастье темно-серое —
В который раз! в который раз! в который раз!**

**Без
Удержу кружит,
Без
Умолку ревет;
Без
Помощи богов
Бес
Беса не найдет.**

**Но
Ты туда придешь,
Но
Я туда приду,
Но
Ты меня найдешь,
Но
Я тебя найду.**

КОРАБЛИК

**Жил кораблик веселый и стройный:
Над волнами как сокол парил.
Сам себя, говорят, он построил,
Сам себя, говорят, смастерил.**

**Сам смолою себя пропитал,
Сам оделся и в дуб и в металл,
Сам повел себя в рейс —
Сам свой лоцман,
Сам свой боцман,
Матрос,
Капитан.**

**Шел кораблик, шумел парусами,
Не боялся нигде ничего.
И вулканы седыми бровями
Поводили при виде его.**

**Шел кораблик по летним морям,
Корчил рожи последним царям,
Все ли страны в цвету,**

**Все ль на месте, —
Всё записывал,
Всё проверял.**

**Раз пятнадцать, раз двадцать за сутки
С ним встречались другие суда:
Постоят, посудачат минутку
И опять побегут кто куда.**

**Шел кораблик, о чем-то мечтал,
Все, что видел, на мачты мотал,
Делал выводы сам —
Сам свой лоцман,
Сам свой боцман,
Матрос,
Капитан.**

МАЯК

Я истинного, иссиня-седого
Не испытала моря. Не пришлось.
Мне только самый край его подола
Концами пальцев тронуть довелось.

Но с маяком холодновато-грустным
Я как прямой преемственник морей
Беседую. Да, да, я говорю с ним
От имени спасенных кораблей.

Спасибо, друг, что бурными ночами
Стоишь один, с испариной на лбу,
И, как локтями, крепкими лучами
Расталкиваешь темень, как толпу.

За то, что в час, когда приносит море
К твоим ногам случайные дары, —
То рыбку в блеске мокрой мишуры,
То — водоросли с длинной бахромою,

**То рыжий от воды матросский нож,
То — целый город раковин порожних,
Волнисто-нежных, словно крем пирожных,
То панцирь краба, — ты их не берешь.**

**Напрасно кто-то, с мыслью воровскою
Петляющий по берегу в ночи,
Хотел бы твой огонь, как рот рукою,
Зажать и крикнуть: «Хватит! Замолчи!»**

**Ты говоришь. Огнем. Настолько внятно,
Что в мокрой тьме, в прерывистой дали,
Увидят
И услышат
И превратно
Тебя не истолкуют корабли,**

СОДЕРЖАНИЕ

I

«Все сказано на свете...»	3
Лилия	7
«Есть и у капусты...»	9
«Так низко было небо...»	11
«Под прошлогоднею листвою...»	12
В детстве	14
«В лощинах снег, слоистый как слюда...»	15
Лето	16
Дубрава	17
«Покинутый полустанок...»	19
Жду снега	20
Зима	22
«Пастух по стаду выстрелил кнутом...»	24

II

Гимн перцу	25
Попугай	28
Сумерки богов	30
Блуждающий огонек	32
Сон	34
Краски	37
Художники	40
«Как сложилась песня у меня...»	42

III

Окраина	43
«Там, где кончается город...»	46
Испанская песня	49
Предки Джимми	51
Роберт Фрост	54
Дирижабль	57
Путешественник	59

IV

«Прилива плеск...»	62
Янтарь	64
Лодка	66
Ветер	68
Горизонт	70
Братья-капитаны	72
Песня с пингвинами	74
Кораблик	76
Маяк	78

Матвеева Новелла Николаевна

КОРАБЛИК

М., «Советский писатель», 1963. 84 стр.

Редактор *В. С. Фогельсон*

Художник *Б. А. Попов*

Худож. редактор *Д. С. Мухин*

Техн. редактор *И. М. Минская*

Корректор *Л. Н. Морозова*

Сдано в набор 13/V 1963 г. Подписано
к печати 28/VIII 1963 г. А03336 Бумага
70×108¹/₃₂. Печ. л. 2⁵/₈ (3,60). Уч.-изд.
л. 2,03. Тираж 20 000 экз. Заказ № 614
Цена 10 к.

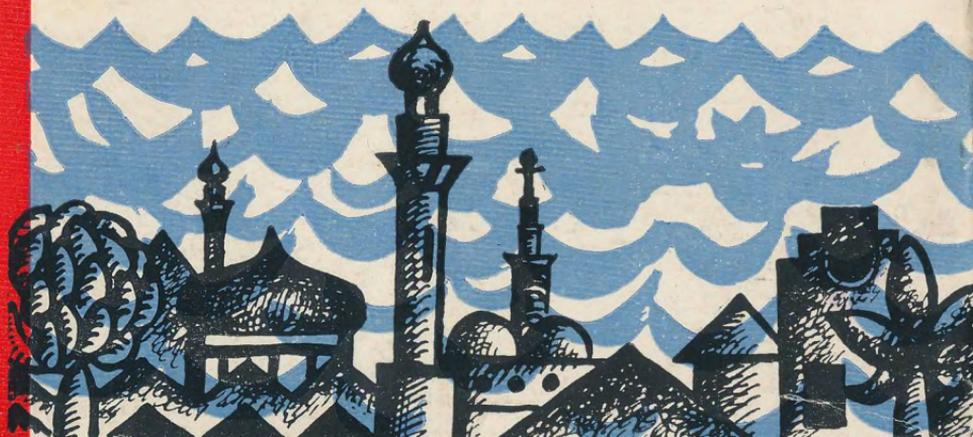
Издательство «Советский писатель»,
Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10
Тип. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.

Издательство просит читателя дать отзыв как о содержании книги, так и об оформлении ее, указав свой точный адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников издательство просит организовать учет спроса на книгу и сбор читательских отзывов.

*Все материалы направлять по адресу:
Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10,
издательство «Советский писатель».*

10 коп.

10 коп.

НОВЕЛЛА МАТВЕЕВА

КОРАБЛИК

«Кораблик» — вторая книга Новеллы Матвеевой.

Поэтесса пишет о природе, о чуткой человеческой душе, всегда открытой прекрасному. Мир фантазии естественно и просто сочетается в стихах Матвеевой с реальными, живыми образами.

